

АРТУР
ВЕЙГАЛЛ

ИМПЕРАТОР РИМА
ПОСЛЕДНИЙ
ИЗ ДИНАСТИИ
ЮЛИЕВ-КЛАВДИЕВ

ПОЭТ И РЕФОРМАТОР

ЖЕСТОКИЙ УБИЙЦА И ТИРАН

НЕРОН

Артур Вейгалл Нерон. Император Рима

prussol

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70238536

Нерон. Император Рима / Вейгалл Артур, Пер. с англ. Е.А. Гонсалес-

Менендес: Центрполиграф; Москва; 2023

ISBN 978-5-9524-6052-2

Аннотация

Английский историк Артур Вейгалл прослеживает жизненный путь самого одиозного и вместе с тем неординарного правителя Античности, в котором удивительным образом сочетались жестокость и артистизм, деспотизм и стремление к справедливости, страсть к спортивным состязаниям и любовь к искусству. Автор не просто фиксирует события жизни Нерона от рождения до последних дней, а создает увлекательное, насыщенное деталями повествование, передающее дух эпохи.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Артур Вейгалл
Нерон. Император Рима

ARTHUR WEIGALL
NERO
EMPEROR OF ROME

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2023

ГЕНЕАЛОГИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА

Глава 1

Две противоположные исторические оценки характера Нерона. События, происходившие до рождения Нерона. Молодые годы его матери Агриппины при императорах Тибериусе и Калигуле

В 64 году Рим был сильно разрушен пожаром, и в намеренном поджоге обвинили маленькую секту христиан. Начался короткий, но страшный период преследований, в ходе которых, как принято считать, лишился жизни святой Павел, а Нерон – римский император с 54 по 68 год – был признан выжившими христианами первым злейшим врагом новой веры.

В 68 году императора свергли, и он, как предполагается, укрылся в окрестностях Рима и вскоре совершил самоубийство. Однако огромное число страстно преданных ему людей верило, что он жив, что рана, которую он сам себе нанес, зажила, что он уехал на Восток и что в один прекрасный день с триумфом вернется в Рим.

В то самое время, когда слух об этом захватил умы публики и молва о его бегстве и неминуемом возвращении передавалась из уст в уста, было написано поразительное произ-

ведение под названием «Апокалипсис – откровение святого Иоанна». На страницах своего труда автор, обвиняя Нерона в преследовании христиан, описывает его в образе Зверя. Зверя, который был смертельно ранен, но его смертельная рана зажила. «Зверя, который был и которого нет и все же есть», и число его 666.

Но Нерон стал не только причиной гибели христианских мучеников, он стал врагом консервативной римской знати, традиции которой попирали самыми разными способами, но в особенности своим появлением на сцене в качестве певца. А поскольку его жизнь описали историки, принадлежавшие главным образом к этой части общества, последующие поколения римлян унаследовали крайне негативный взгляд на его личность. В результате, когда христианство сделалось государственной религией, этот враждебный взгляд язычников соединился с христианским Апокалипсисом, и с тех пор для всех людей Нерон стал Зверем, Антихристом и вызывающим ужас вместилищем грехов души и плоти.

По этой причине, о которой обычно забывают, в наши дни его имя вызывает в сознании образ незаконного чудовища, воплощенного дьявола, лишь своим внешним обликом схожего с человеком. Но стали бы мы сегодня видеть в Нероне такого невероятного злодея, если бы ужас ранних христиан перед обрушившимися на них преследованиями не породил эту традицию ненависти. Христианские авторы веками лили на него потоки оскорблений, а историки слепо следо-

вали их примеру и, едва ли сознавая, что находятся в плену предубеждения, не понимали, что его злодеяния или, по меньшей мере, их масштаб является открытым вопросом.

Христианские авторы, несомненно, имели поддержку со стороны трех древних нехристианских авторитетов, снабдивших нас массой информации о Нероне. Эти трое – Тацит, Светоний и Дион (или Дио) Кассий – единодушно представляют его если не как Зверя из Апокалипсиса, то как неслыханного негодяя, убийцу и предателя (прежде всего аристократических идеалов), который своей непотребной жизнью подверг опасности саму ткань империи, настаивая на своем праве публично реализовать личные способности к музыке и пению. Плиний Старший тоже называет его врагом человеческой расы, а Марк Аврелий говорит о нем как о чудовище.

После смерти Нерона среди римских патрициев, но не среди народа, возобладало мнение, что он без всякой надобности жестоко убил своего сводного брата Британника, свою мать Агриппину, свою первую жену Октавию, свою тетю Домицию, своих кузенов Суллу, Рубеллия Плавта и Силана, своих наставников Сенеку и Бурра и многих других. Что он забил до смерти свою вторую жену Пoppею, что сам поджег Рим, что намеревался вырезать весь сенат, снова сжечь Рим, натравить на людей диких зверей и все тому подобное. Нерона обвиняли в самых чудовищных аморальных действиях, его нрав описывали как жестокий, скотский, порочный, тщеславный, трусливый и в высшей степени безответствен-

ный. Считалось, что, распевая на сцене публичных театров, он уронил достоинство императорского трона. Двумя самыми страшными преступлениями Нерона считались убийство собственной матери и то, что он осквернил императорский пурпур, появляясь в нем на сцене, за что ему вслед кричали попеременно «убийца матери» и «музыкант».

Таким образом, совершенно независимо от христианской легенды в высшем слое римского общества ходило достаточно много рассказов, позволявших предать Нерона проклятию, которые со временем обрели форму историй Тацита и других авторов, а также его биографии, написанной Светонием. Впрочем, те же самые авторы предъявляли еще более страшные обвинения другим императорам, например Калигуле, и едва ли можно предположить, что Нерон дошел бы до наших дней самым жутким чудовищем в римской истории, если бы ранние христиане не объявили его Антихристом. Более вероятно, что к нему относились бы как к *одному из* скверных или преступно глупых императоров.

Однако в данной книге я хочу показать, что существует и другая сторона картины, которая представляется очевидной только теперь, после осознания того, с каким предубеждением относились к Нерону. Чтобы увидеть эту сторону, нужно сложить вместе его достоинства, так неохотно признаваемые различными древними авторами, и посмотреть на его мотивы и поступки с учетом этих достоинств, а также в свете того несомненного факта, что Нерон был любим значительным

большинством своего народа.

Не следует считать, что теперь, когда модно оправдывать тех, кого долгое время очерняли, будет сделана попытка представить Нерона в наилучшем свете. Дело в том, что перед беспристрастным историком, столкнувшимся с неоспоримыми доказательствами широкой популярности Нерона, встает вопрос: почему человек, которого историки представляют чудовищем, пользовался такой любовью. Не вызывает сомнений, что, по мнению многих людей, живших в первые несколько веков после его смерти, Нерон был почти божественной фигурой: другом бедных, врагом высокомерных богачей, не только императором, но и большим артистом, который путешествовал по своим владениям и пел людям таким прекрасным голосом, какого они больше никогда не слышали.

Чтобы объяснить эту двойственную противоречивую оценку характера императора, необходимо, справедливости ради, отыскать в нем как все хорошее, так и все плохое. И если в результате таких поисков Нерон окажется эксцентричным, но понятным и в каком-то смысле симпатичным и не слишком, пусть и несколько больше, чем каждый из нас, подходящим на роль Зверя, этот факт не следует приписывать какому-либо предвзятому желанию наделить его дьявольской прерогативой быть не таким черным, как его малюют.

Нерон родился в 37 году, через несколько месяцев после смерти императора Тиберия, преемника великого Августа. Но чтобы понимать все хитросплетения его положения и видеть его поведение – как, по моему мнению, его следует видеть – в свете его борьбы против аристократического, но узколобого римского традиционализма, который он никак не мог понять, мы должны сначала отступить назад, в эпоху колоритной в своем бесстыдстве диктатуры Юлия Цезаря. Точнее, мы должны перенестись в 47 год до н. э., когда, отправившись в Египет улаживать свои запутанные дела, диктатор так заинтересовался царицей Клеопатрой, что она подарила ему маленького сына Цезариона.

Цезаря, которого не волновал ни бог, ни человек, прозвали «непременным соответчиком в каждом светском разводе». Но очарование его блистательной личности было столь велико, что, несмотря на его пристрастие к неримским обычаям и любовь к нетрадиционной жизни, которая во все века ведет человека с артистическим темпераментом к беде, его власть даже в консервативном Риме была абсолютной. Он дерзко задумал отменить римскую республику и установить вместо нее монархию по египетскому образцу, а также вознамерился заставить людей признать ослепительную Клеопатру его законной женой.

Несмотря на то что Клеопатра являлась царицей Египта, она была не египтянкой, а чистокровной гречанкой, происходившей из длинной линии греческих царей, которых в

Египте называли фараонами. Столица ее царства, Александрия, была Парижем античного мира и главным центром развлечений, культуры и элегантно светской жизни, глядя на который римский идеал респектабельной строгости показался Цезарю очень провинциальным. В следующем столетии, оставаясь по-прежнему впереди своего времени, Александрия произвела аналогичное впечатление и на Нерона.

Клеопатра со своим ребенком последовала за любовником в Рим в основном потому, что он намеревался учредить там монархию для себя и для нее и привнести частицу греческого блеска и легкости в однообразную пресную серость столичного высшего общества. Но в 44 году до н. э. Цезарь был убит Брутом и его друзьями, и египетской царице пришлось стремительно убираться назад в Александрию, слыша за спиной проклятия из уст Цицерона и ему подобных. Необходимо объяснить, что Цезарю было присвоено воинское звание *Imperator*, иным словом – главнокомандующий, но это слово не имело того значения, которое мы вкладываем в титул «император» (*Emperor*), и, когда Цезаря не стало, по закону из этого вовсе не следовало, что он являлся основателем правящей династии.

Его законным наследником был Октавиан, впоследствии известный как Август, сын дочери его сестры Юлии. Однако его старый друг Марк Антоний (просто Антоний, как мы теперь его называем) оспаривал высокие полномочия, предоставленные этому молодому человеку сенатом. В конце кон-

цов было решено, что Август будет править в Риме и на окружающем его Западе, а Антоний – на беззаботном артистичном Востоке, где цивилизация носила скорее греческий, чем римский характер.

Чтобы скрепить это в высшей степени дружеское соглашение между двумя хозяевами мира, Антоний женился на сестре Августа Октавии, и две дочери, родившиеся в этом союзе и получившие обе имя Антония, в свое время стали – одна бабушкой Нерона по линии отца, другая – его прабабушкой по линии матери.

Затем Антоний, якобы в поддержку маленького Цезариона, женился на Клеопатре и объявил войну Августу. Но все понимали, что его цель – самому стать монархом в Риме, сделав свою жену царицей-консорт, а своего приемного сына, ребенка Цезаря, – наследником трона, поскольку этот мальчик был единственным признанным сыном покойного диктатора. Август, со своей стороны, считал, что защищает республику с ее суровыми бескомпромиссными традициями против погрязшего в роскоши выхолащенного эллинизма, этой новой восточной автократии. Это была борьба во имя такого известного социального феномена, который мы называем респектабельностью, и, хотя во времена Нерона в этой борьбе уже не использовалось оружие, она еще продолжалась.

В 31 году Август одержал победу, Антоний и Клеопатра покончили с собой, Цезариона убили по приказу победите-

ля, и республика была спасена. Однако теперь Август стал самовластным правителем и Запада и Востока, включая Египет. Египтяне, не желая признавать, что их завоевали, сказали, что Юлий Цезарь действительно был женат на Клеопатре и, следовательно, по праву являлся их царем, или фараоном, а Август, будучи его наследником, тоже их законный фараон.

Таким образом, Август, который у себя дома являлся всего лишь своего рода «президентом» республики, оказался самым настоящим монархом во всех греческих владениях Рима. Постепенно идея наследования с уклоном в сторону египетской матриархальной системы, где наследование шло по женской линии, стало влиять на его статус в самом Риме, и, несмотря на то что внешние формы республики продолжали сохраняться, его звание *Imperator* приобрело значение, которое мы теперь вкладываем в титул *Emperor*, и то, что после его смерти высшая власть останется в руках его семьи, практически не вызывало сомнений.

Непосредственным результатом этой новой связи Рима с миром Греции и Востока стали захлестнувшие Италию новомодные веяния как в материальной, так и в духовной сфере – новое отношение к артистическим профессиям, индифферентность к сексуальной морали, от которых люди старых представлений, естественно, могли лишь в смятении всплеснуть руками. Последние годы своей жизни Август потратил, пытаясь очистить Рим от этой скверны, закрывая определенного сорта заведения, в наши дни получившие название ноч-

ных клубов, ограничивая продажу алкогольных напитков и наказывая людей, вовлеченных в светские скандалы, включая собственную свободомыслящую дочь Юлию (прабабку Нерона), ставшую одним из образцов новой шикарной модной жизни, которую он запретил строгим законом против аморального поведения – неперемного проклятия эмансипации.

Август издал декрет, запрещавший молодым людям посещать вечерние представления в театрах без сопровождения взрослых. Он демонстрировал свое презрение к драматическому искусству, унижая актеров, и выгнал одного из них за то, что тот имел наглость указать пальцем на шумевшего зрителя, а другого приказал высечь за то, что он пришел с девушкой, одетой почти как мальчик. Август терпеть не мог беспорядочной жизни артистов. Он отправил в изгнание Овидия за непристойное поведение; установил цензуру нравов, обязывая людей отвечать на вопросы об их личной жизни, он принял ряд законов против роскоши и т. д.

Август отчаянно боролся за старую простоту и строгость, поощрявшую нравственность и верность долгу перед государством пусть даже в ущерб самовыражению и непрерывному прогрессу в культуре и искусстве. Но его борьба была тщетной. И хотя он остался в истории как национальный герой, как божественная фигура, стоящая скалой в основании семейной родословной, ему не удалось перебороть общую тенденцию движения светского общества Рима в сторо-

ну свободной и шикарной артистической жизни греческого мира, яркими звездами которого были Антоний и Клеопатра.

Когда в 14 году н. э. Август умер, его преемником, за неимением наследников, стал его приемный сын Тиберий Клавдий Нерон, сын его жены Ливии, в наши дни именуемый императором Тиберием. Его пребывание на посту императора сделало власть еще более автократической. Нужно понимать, что даже тогда трон не наследовался, и номинально Рим оставался республикой. Но в действительности император являлся абсолютным монархом и мог, как минимум, предлагать сенату своего собственного наследника. По крови Тиберий не принадлежал к дому Юлия Цезаря-Августа, называемому домом Юлиев. Его семья принадлежала к дому Клавдиев, и об этом отличии не следует забывать.

Характер у Тиберия был ужасный, и число убитых и казненных им людей – огромно, а пытки, применявшиеся по его приказу и часто в его присутствии, указывают, что он был маньяком-садистом. Римляне прозвали его – Грязь и Кровь, а также – Коза за его сексуальные бесчинства и извращения. В его дворце на Капри было множество непристойных картин и статуй, а проходившие там оргии совершенно невозможно описать, и здесь они упоминаются лишь в качестве фона для понимания личности Нерона. В связи с этим интересно отметить, что отношения Тиберия к его матери Ливии были полны яростной ненависти и притеснений, кото-

рые только случайно не закончились реальным убийством, поскольку она умерла естественной смертью.

У Тиберия был брат Друз, женатый на Антонии, одной из двух дочерей Антония и Октавии. Эта высокородная пара произвела на свет сына Германика, который стал самым популярным из всех когда-либо живших римлян. Он женился на внучке покойного Августа Агриппине (Старшей), и дети, родившиеся в этом союзе, часто становились объектом внимания народа, отчасти потому, что их отец был национальным героем, отчасти – что по материнской линии они являлись представителями блистательного дома Юлиев. Детей было шестеро: трое сыновей – Нерон, Друз и Калигула – и три дочери – Агриппина, Друзилла и Юлия Ливилла.

Эта Агриппина (Младшая) родилась 6 ноября 15 года н. э. и была на три года младше Калигулы, родившегося в 12 году. В 19 году их отец Германик умер от яда, и его вдова Агриппина была убеждена, что его отравили по приказу злодея Тиберия, которого пугала невероятная популярность Германика в армии.

У Тиберия был сын, которого тоже звали Друз. Он женился на своей кузине Ливии, сестре Германика, но в 24 году его убили, а его жена покончила с собой, когда стала известна ее причастность к убийству мужа. Сын несчастной пары Гемелл, единственный внук Тиберия, разделил с тремя сыновьями Германика шансы быть избранным императором в качестве своего преемника.

В 28 году большой скандал вызвало поведение юной Агриппины Младшей, которая, будучи всего двенадцати лет от роду, но отличаясь той нередко встречающейся у южных народов скороспелостью, оказалась достаточно зрелой, чтобы жаждать внимания со стороны противоположного пола. Ее брат Калигула, в то время пятнадцатилетний юнец, лишенный какой бы то ни было половой сдержанности, воспользовался этим стремлением сестры и совратил ее. Вскоре после этого Агриппина обратила взор на своего кузена Эмилия Липида, сына сестры ее матери Юлии, и позволила ему такую же близость, как до этого Калигуле. В результате Тиберий поспешил выдать Агриппину замуж за другого ее кузена – Гнея Домиция Агенобарба, рыжеволосого юношу, который, будучи от природы простым и благородным, вскоре превратился в сильно пьющего развратного повесу, типичного для представителей семейства рыжебородых Агенобарбов, о которых оратор Красс однажды сказал, что у них не случайно бронзовые бороды, поскольку их лица из железа, а сердца – из свинца.

Семейство было древним и славным и восходило примерно к 500 году до н. э., но у его мужчин была репутация безрассудных и ненадежных. Так, например, дедушка этого Гнея несколько раз переходил то на одну, то на другую сторону в гражданской войне, которая последовала за смертью Цезаря, и в конце концов прямо перед битвой при Актиуме дезертировал из армии Антония и Клеопатры. Отец

Гнея Луций женился на Антонии, дочери Антония и Октавии, сестры императора Августа, и потомство, рожденное в этом союзе, вполне могло унаследовать что-то от необузданности Антония.

Луций был большим поклонником сцены, а также очень любил лошадей и гонки на колесницах. Его сын Гней тоже увлекался гонками, но имел скверную репутацию из-за определенных финансовых «операций», связанных с этими гонками, а также из-за того, что не смог расплатиться со своими кредиторами. Он был человеком вспыльчивым. Однажды на Форуме выбил глаз патрицию; в другой раз, будучи уже пьяным, убил слугу, когда тот отказался дать ему еще вина; и, наконец, говорили, что он загнал и убил мальчика, который разозлил его тем, что подвернулся на пути его колесницы.

Маленькую Агриппину, несмотря на ее безнравственное поведение, стоит пожалеть, учитывая несчастную жизнь, которая выпала на ее долю с этим человеком. Впрочем, ее домашние проблемы могли показаться несущественными по сравнению с судьбой ее семьи. Ее мать, Агриппина Старшая, яростно возненавидела ужасного Тиберия с того момента, как заподозрила его в отравлении мужа, и после почти десяти лет вдовства, в 28 году, неистребимая жажда мести привела ее к участию в заговоре против него. Цель заговора состояла в том, чтобы покончить с правлением Тиберия и возвести на трон ее сына Нерона, не дожидаясь, когда неторопливая природа в свое время произведет нужные изменения.

Юный Нерон был неприятным, распутным человеком, и никто не испытал особой жалости, когда он, будучи заключенным в тюрьму на острове Понца, уморил себя голодом, чтобы лишить своего тюремщика удовольствия убить его.

Не вызывал большого сожаления и тот факт, что в 33 году, когда начались беспорядки, убили его брата Друза, которого держали в заточении в подземелье дворца. И все же, когда император рассказал своим друзьям, что молодой человек, измученный пытками и после этого лишенный пищи, попытался продлить свою жалкую жизнь, поедая набивку своего матраса, многие были шокированы. Общее мнение сводилось к тому, что Друз безумен и к его болезни следует относиться с уважением.

Мать обоих мальчиков оставалась в изгнании, пока они оба не умерли. Говорили, что после того, как император выбил Агриппине глаз во время рукопашной схватки, вспыхнувшей во время одного из его посещений, она объявила голодовку и ежедневно боролась с теми, кто пытался кормить ее насильно, пока ее сердце не ослабело настолько, что она умерла.

Таким образом, единственной альтернативой Гемеллу в качестве преемника Тиберия остался третий сын Агриппины Калигула. Однако, учитывая тот факт, что он обладал жутко извращенной натурой, кроме того, был подвержен припадкам, Тиберий так и не решился объявить Калигулу своим наследником, хотя давал понять, что намерен это сде-

лать.

Пожилой император всегда смотрел на юношу с подозрением и однажды, когда заметил неприязненный взгляд, брошенный Калигулой на его кузена и соперника Гемелла, воскликнул: «Однажды ты убьешь его!.. А потом кто-нибудь убьет *тебя!*» Когда Тиберий говорил это, в его глазах стояли слезы, потому что он был сыт по горло ссорами и интригами, которые привели к смерти так много его родственников и друзей. Теперь, когда старость лишила его способности получать удовольствие, причиняя другим боль, он искренне желал уехать из Рима в какое-нибудь мирное убежище.

В начале 37 года в семье возникли новые проблемы. Агриппина (Младшая) была вынуждена мириться с бесконечными изменами своего мужа Гнея, но теперь она узнала, что он и его рыжеволосая сестра Домиция Лепида состояли в кровосмесительных отношениях. Вероятно, по наущению Агриппины он был публично обвинен и в этом, и в адюльтере в целом, к чему добавилось обвинение в измене старому императору Тиберию. Однако все знали, что Агриппина сама в давние годы состояла в таких же отношениях со своим братом, жутким извращенцем Калигулой, и, возможно, поэтому обвинению против Гнея не дали хода.

До конца своих дней Тиберий не мог принять решение о преемнике. Его озадачивал противоречивый характер Калигулы. Временами этот молодой человек казался скромным, почтительным и даже сильно занятым своими обязанностями.

ми. Но в другое время бывал груб и несдержан, а его буйная распущенность то и дело сменялась хмурым унынием. Калигула был довольно хорош собой: высокий и стройный, но волосы на его голове были слишком редкими, а на всем теле – слишком густыми, и цвет лица – землистый. Выражение его лица казалось зловещим, и часто нечто безумное проглядывало в немигающем взгляде его глаз под густыми тяжелыми бровями, а уголок его маленького жестокого рта приоткрывался в самом неприятном оскале. И все же в редкие моменты покоя Калигула был, несомненно, красив.

В то время Калигула очень дружил с Иродом Агриппой, племянником того Ирода, на суд которого был отдан наш Господь. Он был лет на двадцать старше Калигулы и, похоже, познакомил юношу не только с пороками Востока, но и восточным взглядом на царскую власть. Эта наука принесла свои плоды позднее, когда Калигула стал получать нездоровое наслаждение от своей деспотической власти. Ирод заставлял его рассказывать, что он будет делать, когда сядет на трон. Но они сознавали опасность подобных бесед – ужасный Тиберий едва ли проявил бы милосердие к любому, кто желал его смерти, – и говорили о таких вещах только шепотом.

Однажды, когда друзья катались на колеснице, Ирод шепнул Калигуле, что теперь наверняка уже недолго осталось ждать смерти старика, и добавил, что избавиться от Гемелла будет несложно. Возница случайно услышал эту фразу и пе-

редал ее императору, который немедленно отправил Ирода в тюрьму.

В 37 году все решили, что Тиберий умирает. Ему было почти восемьдесят, он постоянно страдал от приступов сильной слабости и плохого самочувствия. По его же словам, он устал от жизни и его тяготили воспоминания о собственных грехах и жестокостях. Когда прошел слух, что Тиберий скончался, один из друзей Ирода тут же поспешил в тюрьму и шепнул на ухо Ироду на иврите: «Старый лев умер».

Центурион, стоявший на страже, спросил иудейского принца, о чем был разговор, который так его обрадовал. Ирод открыл ему секрет и приказал подать праздничный ужин, пригласив на него всех, кто служил во дворце. Но когда праздник был в самом разгаре, пришло известие, что слух оказался ложным. В тот же миг гости, испуганные до полусмерти, побросали тарелки и блюда и заковали своего ошеломленного хозяина в цепи.

На самом деле Тиберий, хотя и был жив, действительно умирал. Ночью, лежа на смертном одре, он приказал рано утром привести к нему Гемелла и Калигулу, сказав тем, кто его окружал, что он молился небесам, чтобы они дали ему знак, кого из этих двоих он в конце концов должен выбрать своим преемником. Тиберий продолжил, что просил богов, чтобы они обозначили свой выбор, заставив избранника войти в комнату первым. Но он выдал свой замысел наставнику Гемелла, послав ему записку с приказом привести своего

воспитанника как можно раньше.

Однако на следующий день Гемелл проспал, и первым в комнату умирающего императора вошел Калигула, в ответ на что Тиберий вздохнул, смирившись с судьбой, повелевшей, чтобы Римская империя была отдана в руки этого угрюмого молодого человека. Когда пришел Гемелл, Тиберий велел Калигуле любить его и заботиться о нем, но в душе наверняка знал, что у юноши нет ни единого шанса.

После того как Гемелл вышел из комнаты, император впал в беспамятство, и те, кто собрался у его ложа, впопыхах бросились к выходу, чтобы поздравить Калигулу, который, услышав долгожданную весть, торопливо прошел в дальний конец спальни. Когда он принимал поздравления честной компании, его хмурое лицо расцвело улыбкой. Все наперебой льстили ему, говоря, как они счастливы иметь императором такого прекрасного молодого человека. В это время предполагаемый труп сел на кровати и попросил принести ему что-нибудь поесть.

На мгновение Калигула потерял дар речи и замер, охваченный разочарованием и злостью. Одновременно он испытал страх, что у Тиберия, видевшего проявление его радости, еще остались силы, чтобы лишить его наследства. Придворные тоже застыли от потрясения и испуга. Отшатнувшись от юноши, они один за другим выскользнули из комнаты.

Калигула в волнении и нетерпении подумал, что наилучшим способом уладить дело будет забрать у умирающего им-

ператора кольцо с печатью, чтобы показать, что власть перешла в другие руки независимо от того, жив старик или нет. Он подошел к кровати и попытался стянуть кольцо с узловатого пальца императора. Но Тиберий упрямо сжал руку в кулак и уставился на него полным ненависти взглядом стекленеющих глаз.

Последовала отчаянная безмолвная схватка, но рассказы о том, что случилось дальше, разнятся. Согласно Светонию, Сенека утверждал, что император попытался позвать на помощь слуг и в результате замертво упал с кровати. Тацит и Дион утверждают, что Калигула схватил покрывало, натянул его на голову Тиберия и оставил его задыхаться. Светоний пишет, что Калигула накрыл лицо Тиберия подушкой и держал ее, пока не задушил его.

Все это время в комнате находился один насмерть перепуганный слуга, и первый приказ нового императора был весьма характерным: он велел, чтобы этого человека немедленно схватили и казнили.

В последние годы жизни Тиберия подданные боялись и ненавидели его, и, когда Калигула, которому на тот момент исполнилось двадцать пять, появился на похоронах в качестве главного плакальщика, толпа встретила его овацией, называя всеми возможными ласкательными именами. Тогда он сразу же направился в мавзолей, где покоился пепел его матери и брата Нерона, и, тактично продемонстрировав почтение к Тиберию, виновнику их смерти, отдал дань равного

уважения этим двум несчастным, чьи попытки убить его закончились неудачно. Ситуация была довольно неловкой, но Калигула умело справился с ней.

Фактически в первые семь месяцев царствования его поведение можно считать образцовым. Он демонстративно сжег записи суда над его матерью и братьями, утверждая, что не читал имена тех, кто предоставил сведения против них (что было неправдой, поскольку впоследствии он всех их умертвил), произносил вежливые речи, обращаясь к сенату, и заявлял, что находится под его руководством, давал великолепные представления для публики на арене и заслужил большую популярность среди сенаторов, которым впервые официально позволил на этих представлениях сидеть на подушках.

Однако позднее осенью Калигула серьезно заболел какой-то загадочной болезнью, а когда поправился, отбросил всякие попытки изображать доброжелательность и совесть. Самое мягкое, что можно сказать, – это что с той поры он обезумел. Но в действительности он не был сумасшедшим, и то, что сам часто говорил, будто у него не все в порядке с головой, указывает, что он был достаточно здоров, и нет оснований сомневаться в его психической адекватности. Тем не менее у него бывали нервные срывы и бессонница, а когда ему удавалось заснуть, его мучили ночные кошмары.

Первым проявлением эксцентричности Калигулы стала его страстная любовь к своей сестре Друзилле, двадцатилет-

ней девушке, которая была замужем за неким Кассием Лонгином. Калигула заставил ее уйти от этого человека, а затем объявил, что сам собирается на ней жениться. При этом он ссылался на то, что египетские фараоны часто женились на своих сестрах, а поскольку теперь Египет – это владение империи, то он фактически является фараоном. И действительно, в лице своего доверенного человека он был коронован фараоном в Александрии, как до него Август и Тиберий.

Римское общество, несмотря на то что оно было привычно к всевозможным извращениям, как преступным, так и нет, испытало настоящий шок. Бабка молодого императора Антония, вдова Друза, которая еще здравствовала и пользовалась большим влиянием, так горячо возражала против этого, что Калигула в ярости приказал ей пойти и отравиться, что она и сделала. Когда ее кремировали прямо перед окнами столовой Калигулы, он не проявил к происходящему никакого интереса.

Агриппина же помирилась со своим мужем примерно в то время, когда обвинения против него были сняты, и в результате их заново начавшейся супружеской жизни она обнаружила, что собирается стать матерью. Оставив Рим, она переехала в свой загородный дом вблизи небольшого портового города Антиум (современный Анцио), расположенного в 35 милях южнее столицы, и там в середине декабря 37 года разрешилась от бремени.

Можно представить, что она задумывалась, что за ребен-

ка ей предстоит родить. Агриппина знала, что ее брат Калигула несколько не в себе и что он открыто живет с ее сестрой Друзиллой, называя ее своей женой, что ее брат Друз был практически безумен, а другой брат Нерон был развратным до состояния помешательства. Свою мать Агриппину (Старшую) она помнила озлобленной женщиной, которую сжигала страшная ненависть к императору Тиберию. Ее дядя Агриппа, брат Агриппины Старшей, немного не дотягивал до полоумного, а мать ее матери Юлия, дочь Августа, слыла одной из самых безнравственных женщин своего времени и была изгнана из Рима за бесчисленные адюльтеры. Ее тетку Юлию, дочь той Юлии, одним из любовников которой был поэт Овидий, отправили в изгнание по той же причине, а сын этой Юлии, кузен Агриппины Лепид развращал ее в юности наравне с братом Калигулой.

Ее отец Германик действительно был прекрасным благородным человеком, но его здравствующий дядя Клавдий был глупым и почти слабоумным и одновременно с этим славился своей безнравственностью, а его сестра, тетка Агриппины Ливия, благодаря своим адюльтерам докатилась до того, что в конце концов совершила убийство.

И все это вместила в себя родословная ее нерожденного ребенка с ее стороны. А что хорошего можно было сказать о его отце? Гней был из Агенобарбов, семейства, известного своей неуравновешенностью, распутством и склонностью к предательству. Он никогда не делал вид, что верен ей, а

его вину в отношениях со своей сестрой Домицией Лепидой едва ли можно было извинить молодостью и неопытностью, как ее вину в таких же отношениях с Калигулой.

Тогда каков шанс, что ребенок, которого она ждала, вырос бы достойным членом общества? Оставалась только одна слабая надежда, что он пойдет в ее отца Германика. «Все соглашались с тем, – пишет Светоний, – что Германик обладал всеми самыми благородными качествами тела и разума в большей степени, чем выпадало на долю любого другого человека». Он был честным, обходительным и скромным, исключительно добросердечным и гуманным, но вместе с тем очень храбрым в бою, эффектным и вдохновенным, романтиком и идеалистом, поэтом, который одинаково хорошо писал стихи на латыни и на греческом, проницательным ученым и красноречивым оратором; страстным защитником бедных и угнетенных.

Вопреки всем противоположным отзывам о его семье, у новорожденного все же оставалась эта последняя надежда, и далее будет показано, что эта надежна была не совсем тщетной.

Глава 2

*15 декабря 37 года, рождение Нерона.
Младенческие годы при императоре
Калигуле. Изгнание Агриппины, 39 год.
Январь 41 года, смерть Калигулы. Воцарение
Клавдия и возвращение Агриппины*

Ребенок – это был мальчик – родился с восходом солнца 15 декабря 37 года. Он пришел в этот мир ножками вперед, что расценили как очень дурной знак, но, когда это произошло, на него упало солнце, и это было воспринято как хорошее предзнаменование. Но когда домочадцы пришли поздравить его отца, рассказывая, какой у него родился прекрасный сын, Гней только рассмеялся и заметил, что от таких людей, как они с Агриппиной, могло родиться лишь нечто отвратительное и представлявшее опасность для общества. Он был беззастенчивым прямолинейным человеком, прекрасно сознававшим свои грехи и ничуть не смущавшимся ими.

Спустя девять дней мальчик в присутствии императора Калигулы получил официальное имя – Луций Домиций Агенобарб, поскольку всех его предков по отцовской линии зва-

ли Луций Домиций или Гней Домиций. Однако позднее он стал известен под именем Нерон, и с учетом этого будет более правильно говорить о нем в этой книге как о Нероне.

В это время Калигула, как уже было сказано, открыто жил со своей сестрой Друзиллой, в которую был страстно влюблен. Но поскольку он, по словам Светония, «жил в привычном инцесте со всеми своими сестрами», то, вероятно, был готов к тому, что мог сам оказаться отцом и этого ребенка. Но даже если так, интерес Калигулы к мальчику, несомненно, угас, когда он заметил на его головке нежные волосы ярко-рыжего цвета как у всех Агенобарбов. Маленький Нерон определенно был Агенобарбом, и этот факт привел в некоторое замешательство Калигулу, у которого еще не было детей и который, таким образом, увидел в этом малыше старшего кузена и соперника любому его собственному будущему сыну. В его мрачном подозрительном сознании начало расти недовольство Агриппиной, Гнеем и их ребенком, и вскоре это недовольство обернулось неприкрытой враждебностью с обеих сторон.

Через несколько месяцев Друзилла внезапно заболела и умерла. Калигула был вне себя от горя. Неделями он отказывался бриться и стричь волосы. Мрачный и неистовый, он метался из одного города в другой, нападая, а иногда обрекая на смерть каждого, кто недостаточно убедительно демонстрировал сочувствие его горю. Некий сенатор, вероятно желая заслужить его благосклонность, заявил, что у него было

видение, в котором Друзилла возносилась на небеса в компании всего пантеона. После этого Калигула издал декрет, предписывавший отныне поклоняться ей как богине, и на Форуме была установлена ее статуя из золота.

Вскоре после этого его восемнадцатилетний кузен Гемелл встретил свой конец. Юноша страдал от навязчивого кашля и однажды явился к обеду, источая сильный запах микстуры от кашля. Калигула обвинил его, что он принимает лекарство не для того, чтобы облегчить свое состояние, а чтобы защитить себя от яда. В то время в Риме было обычным делом, когда человек, собиравшийся отобедать с врагом, принимал перед едой антидот.

Гемелл стал возражать против такого обвинения, и возникла ссора, в результате которой после обеда Калигула послал Гемеллу записку, предписывая ему убить себя. Посланец передал юноше меч, но Гемелл, плача и кашляя, сказал, что никогда не видел, как совершают самоубийство, и с трепетом попросил совета, как лучше это сделать. Посланец, видимо, объяснил, что нужно приставить острие меча к сердцу между ребер и затем упасть на него. Несчастный юноша сделал, как ему велели, и замертво упал в лужу крови.

Обнаружив, что его приказ был так быстро исполнен, Калигула начал развлекаться тем, что приказывал самым разным людям совершить самоубийство, и очень радовался, когда они один за другим убивали себя. Это заставляло его чувствовать себя похожим на бога, распоряжающегося жиз-

нью и смертью людей, и вскоре он начал заявлять, что он и есть бог. Калигула говорил, что постоянно общается с Юпитером, и иногда его можно было видеть со сдвинутыми бровями и приставленной к уху рукой, словно он прислушивается к какому-то божественному замечанию, после чего он важно кивал и что-то шептал в ответ. Когда на небе светила луна, он называл ее своей возлюбленной и мог вслух потребовать, чтобы она шла к нему в постель.

Калигула приказал поставить в храмах свои статуи, чтобы им поклонялись, и требовал, чтобы ему в жертву приносили только самых прекрасных птиц: павлинов, фламинго, фазанов и тому подобных. Следующим его шагом стало, конечно, возведение себя в ранг верховного жреца, что может показаться парадоксом, но при ближайшем рассмотрении оказывается вполне логичным, так как являлось теологической нормой на Древнем Востоке – земное воплощение божественной сущности отдавало дань уважения самой себе. Но иногда Калигулу приводил в замешательство вопрос: должен ли он одеваться как верховный жрец, чтобы возносить молитвы самому себе, или ему нужно, нацепив фальшивую бороду, как у Юпитера, забираться на пьедестал и в качестве бога принимать поклонение смертных, собиравшихся в храме. У него была установлена машина, издающая звуки грома, которая при повороте ручки издавала рев и грохот, когда он стоял и, подобно богу, смотрел сверху вниз на толпу. Иногда Калигула вызывал Юпитера на дружеское состя-

зание, но если случалась настоящая гроза, то он обычно сам так пугался, что прятался под кровать.

Однажды, когда он, прицепив фальшивую бороду, изображал в храме бога, какой-то старик-рабочий расхохотался. Калигула велел подвести его ближе и воскликнул: «Глупец, разве ты не знаешь, кто я?!» – «Знаю, – ответил старик, продолжая смеяться. – Ты забавный дурак!» Ошеломленный император в страхе оглядел собравшихся вокруг людей. «Кто этот человек?» – выдохнул он. Один из людей объяснил, что это один из тех кельтских невежд с севера Галлии, или из Британии, или откуда-то еще. К всеобщему удивлению, Калигула отпустил старика, даже не наказав его.

Калигула страстно любил театр, особенно ему нравилась музыка и танцы. Говорят, он не мог пройти мимо, чтобы не присоединиться к пению или не начать повторять движения актеров. Ему нравилось участвовать в частных постановках, в особенности если роль давала ему возможность переодеваться в женские одежды, а его повседневные наряды часто поражали великолепием драгоценных украшений.

По-видимому, он обладал своеобразным чувством юмора. Однажды, когда какой-то господин слишком шумно возился, устраиваясь на своем месте во время театрального действия, Калигула велел привести его и приказал ему немедленно отправляться в Северную Африку с письмом для царя Мавритании. В письме, написанном на клочке бумаги, значились только следующие слова: «Не делайте подателю пись-

ма ничего хорошего и ничего плохого». Иногда на своих пирах он вдохновлялся музыкой и начинал подражать профессиональным танцорам, заставляя всех смеяться над своими нелепыми кривляниями. Или мог нарядиться Венерой или какой-нибудь другой богиней и уставиться на своих друзей немигающим змеиным взглядом, так что они не могли понять, шутит он или серьезен. А иногда Калигула мог уставиться на окружающих с такой жуткой гримасой на лице, что они думали, будто он готов перебить их всех. Однако стало известно, что эти гримасы он специально репетировал у себя в комнате перед зеркалом.

Был случай, когда Калигула за обедом вдруг разразился смехом. Когда его льстивые друзья спросили, что так рассмешило его, ответ вызвал оторопь. Калигула сказал, как забавно думать, что достаточно ему один раз кивнуть, чтобы все они перерезали себе горло. У него был любимый конь по имени Инцитат, которого он поселил в красиво обставленном доме с целой свитой слуг. В этом доме от имени коня как хозяина устраивались пирушки с ужином.

В довершение этой шутки Калигула сделал коня священником в своем храме и даже поговаривал, что сделает его консулом.

Своей аморальностью он далеко превзошел своего предшественника Тиберия и предавался всем возможным порокам. Других людей Калигула считал столь же безнравственными, как он сам, поэтому присутствие порядочного муж-

чины или женщины никак не стесняло его в словах и действиях. Он с удовольствием заявлял, что его мать была плодом кровосмесительной связи Августа с его собственной дочерью Юлией, как не отрицал и своей склонности к инцесту. Он абсолютно не стыдился этого, и истории, которые о нем рассказывали, совершенно невозможно повторить.

Характерной чертой Калигулы была его невероятная жестокость, и сам он гордился своей безжалостностью. «У меня нет другого, столь же замечательного качества, – сказал он в сенате, – как моя твердость». Устав приказывать людям совершать самоубийства, Калигула стал подвергать мужчин и женщин самого разного социального положения всевозможным унижениям и самым жестоким пыткам и смотрел, как они умирают. Часто по его приказу людей сжигали в амфитеатре заживо. Медленная смерть нравилась ему больше всего, и часто он заявлял, что желает, чтобы жертвы чувствовали, как они умирают.

Такое поведение Калигулы имело поразительное воздействие на его сестру Агриппину: она сделалась крайне и даже преувеличенно добропорядочной. Она осуждала не только безнравственную жизнь своего брата, но и само его представление о своей власти. В своем понимании идеи императорской власти Калигула основывался на власти греческих фараонов Египта, считая себя как императора наследственным фараоном. Он привнес в атмосферу императорского двора восточную роскошь, распутство и безумный личный деспотизм.

тизм, заставлявшие республику выглядеть как призрак полузабытой мечты.

Все слуги во дворце были египтянами, а его фаворит, вольноотпущенник Геликон, – родом из Александрии. Калигула запретил ежегодные празднования победы под Актиумом, где Август разбил войско Антония и Клеопатры. Он превратил поклонение египетской богине Изиды в один из официальных культов Рима и учредил ежегодный праздник в ее честь, что было полной противоположностью поведения Тиберия, который повелел уничтожить все храмы Изиды в Риме. Свои отношения с Друзиллой Калигула оправдывал тем, что фараоны Египта женились на своих сестрах. Незадолго до ее смерти он провозгласил ее наследницей империи, поскольку, согласно египетской матриархальной системе, корона и вся собственность передавались по женской линии. Большое значение, которое он придавал своей божественной природе, тоже было результатом египетского влияния, поскольку к фараонам относились как к живым богам, и, возможно, фальшивая борода, которую он использовал, когда наряжался богом, казалась Калигуле той самой священной заплетенной бородой, которую прицепляли к своим подбородкам египетские фараоны-боги.

Внедрение этих иностранных идей вызывало крайнее недовольство старомодных римских патрициев, и Агриппина с мужем теперь тоже перешли к традиционализму. Но, сделав это, они были обязаны объявить себя блюстителями

морали и в своей домашней жизни, поскольку эта добродетель старых римлян была неотделима от концепции социального консерватизма, гражданственности и патриотизма.

Калигула, со своей стороны, имел определенную поддержку со стороны более молодой и светской страты римского общества, поскольку, каким бы тираном и извращенцем он ни был, он поощрял развлечения, фривольность и роскошь, которые старался подавлять Август. Калигула хотел сделать из Рима Александрию с ее лихорадочными днями и щедрыми на утехы ночами, и в этом отношении «гламурное общество» было умом и сердцем на его стороне. Тиберий при всем его деспотизме был целиком и полностью римлянин, как до него Август, и даже отказывался употреблять в разговоре греческие и другие иностранные слова там, где можно было обойтись одной латынью. Но теперь консервативные лидеры общества, традиционалисты оказались на обочине. Светская молодежь закусила удила и бросилась прожигать жизнь вслед за молодым императором, на убийственные выходки которого она была готова смотреть сквозь пальцы при условии, что он, согласно экстравагантному духу времени, придаст Риму налет греческого гламура и веселья, рожденного той ночной жизнью, которой препятствовал Август.

Таким образом, безнравственная Агриппина и ее необузданный муж – но особенно Агриппина – стали опорой старой школы, придерживавшейся суровости, чистоты и консерватизма традиционного Рима.

Возможно, отчасти такому перерождению Агриппины мог способствовать новый опыт материнства. А может, те безграничные амбиции, которые Тацит считал основным мотивом всех ее действий, стали причиной того, что она связала свою судьбу с этой достойной, хотя и несколько узколобой частью общества в надежде, что волна народного энтузиазма вознесет на императорский трон ее саму и ее мужа. В конце концов, Гней был внуком сестры Августа Октавии, в его венах текла кровь Юлиев, и аристократическая партия могла видеть в нем возможного императора.

Калигула так или иначе сознавал, что их новая позиция представляет для него определенную опасность, и осенью 37 года внезапно, как змея, почувствовавшая угрозу, расправился с ними. Гнея он отправил в тюрьму по обвинению в предательстве, а Агриппину – в изгнание на остров Понца, расположенный в 50 милях от побережья Кампании. Другая его сестра, Юлия Ливилла, которая, как ему показалось, была замешана в заговоре против него, тоже была изгнана.

Помимо этого, обеих сестер обвинили в неподобающей связи с красивым сицилийским коннозаводчиком Софонием Тигеллином, и этот человек, о котором мы еще будем говорить, тоже был изгнан. После этого Калигула предал смерти своего кузена Эмилия Лепида, который, видимо, время от времени по-прежнему был любовником Агриппины до того, как наступило ее демонстративное преображение.

Маленького Нерона, которому не исполнилось еще и двух

лет, забрали у матери и отправили в дом сестры его отца Домиции Лепиды, неприятной толстой рыжеволосой женщины, которую молва обвиняла в самых отвратительных аморальных пристрастиях. 11 декабря 40 года отец ребенка Гней умер от водянки, а другой типичный представитель рыжебородого семейства сразу присвоил наследство мальчика, представлявшее собой довольно большое состояние. Тем временем Агриппина вся извелась в изгнании, лишенная привычных жизненных благ и разлученная с единственным в мире существом, которое она любила, – со своим маленьким рыжеволосым сыном. Но она даже не знала, какая опасность грозила ему со стороны ее недостойной золовки.

Калигула же продолжал свою безумную деятельность. Популярность, которой он все еще пользовался, сохранялась благодаря грандиозным представлениям для публики и ослепительному великолепию его двора. Примером его экстравагантных выходов может служить знаменитый мост из кораблей, построенный по его приказу через Байский залив от Баули до Путиоли, расстояние между которыми составляет около двух миль. Для этой цели Калигула приказал собрать суда из гаваней по всему побережью и, таким образом, частично парализовал морское судоходство, из-за чего в Италии едва не начался голод.

Суда были связаны друг с другом в двойную линию, по которой проложили дорогу, представлявшую собой деревянный каркас, мощный камнем и землей. На этой дороге

через небольшие интервалы были устроены «станции», где путник мог выпить воды, поставлявшейся по акведуку. В ночное время дорога на всем протяжении освещалась факелами.

На открытии этого моста, изначально задуманного как временное сооружение, император во главе своего войска проехал по нему верхом из конца в конец. Вечером он устроил для публики большое пиршество, во время которого значительная часть гостей расположилась группами в небольших лодках, стоявших вдоль моста. Однако кто-то поднял панику, началась давка, и многих людей толкнули с моста в воду, а часть лодок перевернулась. Калигула к тому времени был пьян, и происшествие вызвало у него бурное веселье. Он с удовольствием наблюдал, как тонут жертвы, и сталкивал в воду тех, кому удавалось выбраться.

После того как он казнил, убил и замучил до смерти большую часть своих родственников и друзей, Калигула стал развлекать тех, кто остался и жил в постоянном страхе, невероятными дикими празднествами, в ходе которых честь каждой приглашенной женщины и жизнь каждого мужчины подвергались опасности с его стороны. Он бесконечно строил новые прекрасные дворцы, а его увеселительные галеры и баржи, украшенные драгоценными камнями и разноцветными парусами, с установленными на палубе ваннами с теплой водой, стали легендой. Корпуса двух таких барж, из которых одна точно, а другая вероятно построены по его приказу, бы-

ли подняты со дна расположенного недалеко от Рима озера Неми.

Еврейский философ Филон Александрийский оставил живое описание императора, занятого наблюдением за ремонтом и отделкой своих вилл и дворцов. В Александрии возникла определенная проблема, связанная с тем, что если египтяне с готовностью приняли идею божественности Калигулы, поскольку их древние фараоны всегда считались богами, то евреи этого города отказывались поклоняться кому бы то ни было, кроме Иеговы, и по этой причине подвергались серьезным преследованиям. Тогда Филон во главе еврейской делегации отправился в Рим, чтобы объяснить императору лично, что, хотя евреи всегда будут молиться за него, они никак не могут молиться *ему*. Вероятно, вследствие определенной узости своего религиозного мышления Филон полагал, что Калигула непременно сразу все поймет.

Когда делегация прибыла в Рим, аудиенция была назначена в дворцовом парке, но император, который в тот день проводил небольшую работу по озеленению, просто отмахнулся от них, сказав, что выслушает их в другое время. Потом он отправился в длительную поездку по своим виллам и павильонам в Неаполитанском заливе, а беспокойным евреям пришлось следовать за ним с места на место в надежде удостоиться обещанной беседы. В конце концов они притащились за ним обратно в Рим и там, пережив множество дополнительных разочарований, были приведены на территорию

дворца Эсквилин, где император давал указания архитекторам, художникам, строителям и декораторам, принимавшим участие в обновлении дворца.

Филон и его друзья пали ниц прямо на дорожке, но Калигула взглянул на них со свирепым выражением лица и сурово спросил, правда ли, что они отказываются признавать его божественную природу. К этим словам император добавил такой поток богохульств, о которых еврейский хронист пишет, что никоим образом не может повторить их письменно.

После этого император повернулся к ним спиной и поспешил дальше осматривать недавно отделанные помещения, а делегация последовала за ним на почтительном расстоянии. Внезапно он снова вспомнил о них и, указывая пальцем на Филона, бросил: «Почему вы не едите свинину?»

В ответ на это раздался такой громкий смех со стороны придворных, стремившихся превзойти друг друга в своем восхищении шутками хозяина, что прибежала стража, которая начала толкать и бить всех подряд со словами, чтобы они вели себя прилично. К тому моменту, когда удалось восстановить тишину, император уже успел перейти в следующую комнату.

Так прошел час или около того, и делегаты, уже уставшие и напуганные, снова попались на глаза Калигуле, и он бросил им вопрос об их политической организации. Но прежде, чем они успели ответить, он снова отвлекся, и прошло достаточно много времени, прежде чем он вдруг снова повернулся к

ним. «Так что вы говорите?» – спросил он так, словно разговор только что прервался.

Филон начал довольно подробно объяснять еврейские установления, но император, на несколько мгновений остановив на нем невидящий взгляд, снова пошел прочь. По словам хрониста, это было похоже на разыгранный в театре фарс. Однако, благодаря дружбе с Иродом Агриппой, у Калигулы сформировалась определенная толерантность в отношении евреев, и он заметил, что Филон и его друзья достойны скорее жалости, чем наказания, поскольку по собственной глупости не признают его божественной природы. С этими словами он велел делегации уходить. Вместе с тем не мог удержаться, чтобы не подразнить их, отдав приказ, чтобы его статуя была установлена в их святая святых – иерусалимском храме. Филон пишет, что, услышав это, он и его друзья оцепенели от ужаса и несколько мгновений не могли сдвинуться с места.

Едва ли можно описать характер Калигулы слишком мрачно, и нам нет необходимости повторять многочисленные истории о его жестокости и порочности, чтобы подтвердить мнение Светония, сказавшего, что он был «скорее чудовище, чем человек». Достаточно одного рассказа. Императору пришлось в голову выйти на арену, где проводились игры для публики, и сразиться с профессиональным гладиатором. Последнему велели отнестись к своему царственному сопернику с величайшей осторожностью. Гладиатор отражал

все удары Калигулы, но сам отказывался нападать, а в конце упал на колени и стал просить прощения за то, что вообще сопротивлялся ему. Молодой император в ярости отогнал его своим мечом, потом, подпрыгнув, выкрикнул, что он победитель, и с важным видом удалился, размахивая над головой пальмовой ветвью победителя.

Как ни странно, нашелся один человек, любивший его, а именно женщина по имени Цезония, которая была не особенно молода и не особенно красива и, кроме того, уже имела троих детей от кого-то другого. Калигула уже был женат три или четыре раза, но теперь, узнав, что эта женщина ждет от него ребенка, женился на ней, и ей удалось сохранить его привязанность на весь остаток его жизни. Он часто бормотал, что очень удивлен своими чувствами к ней. И хотя иногда он брал ее за горло и напоминал, что в один прекрасный день перережет его от уха до уха, она только улыбалась в ответ, и за всю жизнь с ее головы не упал ни один волос.

Еще какое-то время Калигула продолжал свое жуткое правление, полное жестокости и притеснений, пока в 41 году не совершил ошибку, смертельно оскорбив офицера преторианской гвардии, некоего Кассия Херею. Когда вечером 24 января во время приближавшегося к концу представления в амфитеатре император слишком часто стал насмехаться над этим офицером, копируя его несколько хриплый голос, тот внезапно выхватил меч и ударил его в плечо, нанеся глубокую рану. Калигула был так ошарашен, что не смог даже за-

кричать, а Херея слишком испугался того, что сделал, чтобы повторить удар. Однако уже в следующий миг Калигула бросился на него. Но чары власти уже были развеяны, и теперь другие офицеры выхватили мечи и стали наносить удары. Разговоры о том, чтобы убить императора, ходили уже давно, но до сих пор никто не смел это осуществить.

Калигула упал, истекая кровью. «Я жив! Я жив!» – хрипел он, но что это было: мольба о помощи или просьба прекратить его агонию, мы никогда не узнаем. В любом случае все продолжали колоть и рубить его, и, когда его безжизненное тело оттащили прочь, на нем зияло более тридцати ран. Цезония бросилась на тело мужа, и ее ребенок выкатился из рук матери в лужу крови. На какое-то время несчастную женщину оставили стонать и рыдать в полумраке, но потом к ней подошел офицер и сказал, чтобы она тоже приготовилась к смерти. Она сразу же, почти с радостью подставила ему шею, и когда он покончил с ней, то взял за ноги ребенка и вышиб ему мозги об стену.

Тем временем в задних комнатах дома Домиции Лепиды маленький Нерон был предоставлен заботам учителя танцев и парикмахера, и на него обращали так мало внимания, что Светоний описывает его положение как почти нищенское. На момент убийства Калигулы он был малышом чуть старше трех лет и находился в доме своей тетки около пятнадцати-шестнадцати месяцев.

У Домиции Лепиды была дочь, хорошо развитая и не

по годам сексапильная девушка с равнодушным лицом по имени Валерия Мессалина, которая была лет на тринадцать старше своего маленького кузена Нерона. К моменту рождения Нерона Мессалину уже выдали замуж за Клавдия, брата покойного Германика и племянника императора Тиберия и, значит, двоюродного деда Нерона, которому на момент смерти Калигулы исполнилось пятьдесят лет.

Этого Клавдия все считали неисправимым глупцом. Ребенком он был таким слабым и отстающим в умственном развитии, что его мать, вдовствующая Антония (дочь Антония), называла сына «недоделанным созданием, которое природа начала создавать, да так и не закончила». Она взяла ему в наставники человека, который раньше ухаживал за мулами и привык иметь дело с этими строптивыми животными и который бил Клавдия за малейшую провинность.

В юном возрасте мать женила Клавдия на праправнучке Августа Эмилии Лепиде, но ее забрали у него еще до того, как он успел вступить в свои супружеские права, поскольку император высказался об этой молодой женщине неодобрительно. Это довольно сильно озадачило Клавдия, но потом мать устроила его помолвку с Ливией Медуллиной, однако невеста внезапно заболела и умерла в день предполагаемой свадьбы. И Клавдий женился на Плавтии Ургуланилле, родившей ему двоих детей: мальчика по имени Друз, который умер в детстве, подавившись грушей, и девочку Клавдию. Но через несколько месяцев после ее рождения Клавдий узнал,

что жена ему изменяла, и, заподозрив, что, возможно, не является отцом Клавдии, развелся с женой, а ребенка оставил нагишом на пороге ее дома. Потом он взял в жены Элию Паетину, но, когда она родила ему дочь Антонию, развелся и с ней на том основании, что она распутная женщина. Однако реальная причина заключалась в том, что Домиция Лепида предложила ему свою хорошенькую дочь Мессалину.

Несмотря на медленное развитие его интеллекта, теперь он стал вполне разумным человеком и жил тихой, спокойной жизнью, и даже время от времени пописывал небольшие литературные произведения, а когда увлекся историческими исследованиями, написал историю Этрурии и другие труды по истории древности. Все они утрачены. Однако Клавдий всегда был очень подвержен женским чарам, и его выходы в постели не уступали его неумеренности за обеденным столом. Он взял за правило ежедневно есть и пить, пока не засыпал и не начинал храпеть, после чего гости кидали в него оливковые косточки и лепешки или, подшучивая над ним, могли сунуть ему в руки его же тапочки, чтобы Клавдий, проснувшись, начал тереть ими глаза. Недостаточное уважение, с которым к нему относились, нашло яркое выражение в следующей фразе Светония: «Если Клавдию случалось опаздывать к обеду, он должен был сделать несколько кругов по комнате, прежде чем ему удавалось найти себе место за столом».

В 39 году Мессалина в возрасте пятнадцати лет подарила

ему дочь Октавию и в семнадцать собралась родить второго ребенка, когда внезапное убийство Калигулы привлекло всеобщее внимание к глупцу Клавдию. В это время он оказался во дворце и, испугавшись, как бы его тоже не убили, спрятался за портьерой. Но проходивший мимо солдат увидел ноги Клавдия, торчавшие из-под вздрагивавшей ткани, и вытащил его из укрытия. Клавдия, решившего, что пришел его последний час, охватила паника. Однако солдат, узнав его, испугался еще сильнее и, бросившись к ногам Клавдия, приветствовал его как императора. Дело в том, что в армии Клавдий был гораздо популярней, чем мог думать, поскольку тогда являлся единственным живым братом героя Германика. Кроме того, военные любили его, поскольку он был славным, добродушным малым и сквернословом, о котором они могли позволить себе непристойные шутки, как когда-то их отцы о Юлии Цезаре, которого любовно называли «наш лысый старик-прелюбодей». В результате, после того как Клавдию пришлось предстать перед лицом других преторианцев, которые в ярости носились по дворцу, чтобы не дать разбежаться слугам, они наполовину в шутку тоже приветствовали его как императора.

Сенат же пребывал в растерянности, не зная, кого посадить на императорский трон, и на следующий день было много разговоров, чтобы отменить этот сан и вернуть республике во всей полноте те функции, которые начиная с Августа стали только номинальными. Но в конце концов было

решено, что войскам надо дать сделать по-своему, и честь стать императором была предложена взволнованному Клавдию, который чуть не лишился рассудка, проведя всю ночь запертым в казармах.

Первый месяц своего царствования Клавдий с дрожащими коленками прятался во дворце в страхе, что явится какой-нибудь другой претендент на трон и убьет его, и именно в это время, а точнее 12 февраля, Мессалина родила второго ребенка, мальчика, которого называли Тиберий Клавдий, но позднее все стали называть его Британником в честь состоявшегося в 43 году завоевания Британии. Тогда Клавдий наконец нашел в себе смелость появиться на публике, держа на руках ребенка, словно взывая к сентиментальным чувствам людей. Он считал, что они едва ли решатся убить его, пока он нянчится с младенцем, но на самом деле никто и не хотел причинить ему зла. Калигула навлек на юлианскую ветвь такое бесчестие, что теперь они были совсем не против отпрыска Клавдиев, племянника покойного императора Тиберия. Даже если он был глупцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.